

НЕИЗВЕСТНАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ

Эс

ИСТОРИЯ АВТОГРАФА

Отрывок из новой повести

«В родном эфире»

хуже. Надо иметь вкус, психологию и, если хотите, биологию Васильева, всю растворенную и в его искусстве. Васильев мешал всем работать и зарабатывать, занимал дефицитные аппаратные и монтажные, в которых свои, штатные, могли бы повеселее ткать деньги...

Васильев начал работать. Но довольно скоро ко мне в кабинет принялись ходить интеллигентные послы. Я уж не буду живописать их доводов. Как у нас всегда бывает, когда дело касается формы и личности художника, разговоры переходят в своеобразную идеологизированную плоскость. Послы в своих беседах казались «от» — «не то заставляет играть, не того Уайльда», «до» — «очень женственных трактовок». Понятно? Каждый раз я отчетливо сознавал, что это первостатейная чушь, но знал правила игры. Невнимание к «сигналу» могло закончиться плохо: разбирательством выше или каким-нибудь коллективным аутодафе. Бойтесь коллегияльных решений! А уже я знал, что такое полуспециалистам показывать неготовую и ядовито уязвимую, потому что она талантливая, работу. Надо было обязательно брать удаю «на себя», но не обижая доброхота, не ожесточая его, оставляя в нем иллюзию выполненного долга. Я говорил этим высокому-

рым послам искусства: «Несите рабочие негативы и записанные материалы мне на стол». В конечном счете все это заканчивалось потерей времени, но и некоторым эстетическим счастьем. Я ставил на магнитофон пленку и наслаждался голосом-капелью Бабановой, бархатными интонациями Смоктуновского. И чувствовал, что занимаюсь наблюдением кипения элементов в реторте — стою у рождения новой художественной данности. А доброхотам потом говорил: ничего пока страшного, пусть Васильев спокойно работает, если будет надо, то мы его «подрежем».

А может быть, Анатолий Васильев знал о всех закулисных играх, когда вписывал мне в альбомчик, сразу же после автографа Виктора Петровича Астафьева, первейшего писателя России, вписывал черным фломастером: «Всякое искусство совершенно бесполезно. О. Уайльд. 2 сентября. 1981 г. С. Есину — от А. Васильева. Благодарю за признание моих незначительных способностей».

Судя по дате, это как раз был рассвет эпохи мемуариста — мы передавали по радио «Малую землю» и другие «сочинения». Черное все чаще выдавалось за белое. Плохая литература — за хорошую...

Сергей ЕСИН.

на своей многоемкостью. Лучше один раз серьезно схватиться с началом, пробивая постановку, зато иметь хорошую, часто «ходимую» запись и видеть, как, вслушиваясь в нее, при-выкает, теплеет и радуется своим эстетическим открытиям этот же самый дуболом, ему уже начинает казаться, что возникла эта актерская запись, спектакль или радионинсценировка именно его силами, тщанием и страданием.

Но вообще-то я всегда поражался, откуда и как возникают эти «надо», «не надо», «хорошо», «плохо», «существует», «не существует» — заклинания — оценки в идеологической кастриоле. Подчас это совершенно не зависело от личных вкусов и пристрастий контролирующего и определяющего все звенья. Точка отсчета шла от некой «точки зрения народа», поймет, дескать, он, народ, не поймет. Скажем, бывший председатель Гостелерадио Сергей Георгиевич Лапин — глубоко чту и уважаю его

до сих пор — любил изысканнейших поэтов начала века, привозил редкие книги из-за рубежа, собирал. Но тем не менее повсюду в идеологии «свободного» эфира — о, радио и телеаппарат! — и особенно в средствах массовой информации выкристаллизовывалось безапелляционное мнение, что народу полезнее Жаров и Безыменский, нежели Блок и Ахматова. Мне это всегда казалось диким.

С Анатолием Васильевым, как я и ожидал, горя я хлебнул. Это сейчас Литдрамвещание гордится этой работой, сделанной в «годы застоя». Утверждение нового, более совершенного художественного метода — это вызов рутинным и подчас довольно денежным, несмотря на провидческие амбиции, способам работы. Это ведь только разговоры: «Дайте мне столько репетиций, сколько имел Васильев, и я поставлю не хуже!» К сожалению,

Искусство, конечно, совершенно бесполезно, как написал мне в свое время в альбом автографов, сославшись на афоризм Оскара Уайльда, знаменитый наш театральный режиссер Анатолий Васильев. Но вокруг этого «бесполезного» идут всегда и всюду самые серьезные бои, рядом с которыми битвы времен войн Алой и Белой роз — это дворовые затеи. Сколько раздавленных репутаций, смертей, инфарктов, даже сумасшедших домов. Но давайте по порядку — я расскажу маленькую историю, связанную с одним автографом.

Теперь уже давно, лет десять назад, я работал на радио главным редактором литературной редакции и вместе с выполнением многочисленных бюрократических обязанностей занимался еще отсебятиной. У меня был тот самый альбом, о котором я упоминал вначале. Каких самых славных имен в нем только не состоялось.

Хранятся в этом альбоме и два таких автографа: шуточный — Виктора Славикина — «Сергей Николаевич Есин, современник фельетона «Плесень», прогрессившего в нашей юности. А теперь вместе мы работаем в «Юности» (Виктор тогда заведовал в журнале «Юность» отделом юмора, а я был «приходящим» членом редколлегии); второй автограф — вежливый — Анатолия Васильева.

По сценарию Виктора Славикина мы тогда делали инсценировку романа Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея». Режиссер был «со стороны», приглашенный — Анатолий Васильев. Меня без конца предупреждали: Васильев работает очень медленно, не укладывается в технологию, несговорчив, имеет с ним дело — несчастье. Но я уже видел «Взрослую дочь молодого человека» в Драматическом театре им. К. С. Станиславского. Я уже хорошо осознавал значительный, выделяющийся среди подобных отпечаток, который накладывают эти левые, «неудобные» актеры и режиссеры на произведения искусства. Манера работы Васильева была мне близ-